

Из газеты «Ангарский рабочий» за 14 декабря 1967 года, автор В. Леонтьев

Когда мы познакомились и я объяснил Павлу Алексеевичу, что интересуюсь его резьбой по дереву, старик хитро улыбнулся:

- Всякое дерево свою красоту имеет. У одних она скрытая, так сказать, - внутренняя, у других - вся наружу.

Павлу Алексеевичу Сурову - 82 года. Глаза совсем слабые, да и со слухом неважно. И даже не верится, что нынешним летом он срубил ворота и украсил их затейливым орнаментом: деревянная роза, лучи от нее, виньетки; столбы завершаются строгими капителями.

Люди издревле ценили дерево как благородный материал. Тайга делала его легкодоступным, а простота обработки - широко распространенным. Нож и пила, долото и топор - вот те орудия, которыми, по выражению Льва Толстого, русский человек мог и дом построить, и ложку вырезать.

Бревна, доски и чурки под топором мастера превращались в произведения искусства.

Коломенский дворец Алексея Михайловича считали восьмым чудом света. Кижы до сих пор поражают туристов. Говорят, зодчий Нестор, построивший Преображенскую церковь, бросил в реку топор и сказал: «Не было и не будет такого».

Топором рубили русские люди города, ставили избы, бани, возводили храмы «о тридцати версях», «о двадцати стенах», «великие и чудесные». Украшали избы богатой резьбой наличников, подзоров, коньков. И сегодня в деревне можно встретить старинный возок, резные сани, дуги, скамьи, прялки, сундуки, игрушки, расписные ковши, солонки, ложки, изукрашенные орнаментами, рельефными и скульптурными изображениями.

Народ любил и бережно хранил свое творчество. Когда дом ветшал, резьбу снимали и переносили на вновь построенную избу.

Эти заметки я пишу в светлой горенке Сурова. Хозяин сидит напротив и неторопливо рассказывает о красоте дерева. Закуривает. Смотрю на его длинный мундштук, покрытый тонкой резьбой. Он заметил это и показал:

- Вот стулья, чернильница, диван...

Песнь дерева

Песнь дерева

Все сам делал. Люблю, чтобы все было добротно и красиво.

Сажу на стуле, который даже не стул, а картинка. Высокая резная спинка, гнутые ножки. На стене зеркало. Тоже в широкой резной раме. Тут же во всю стену картины хозяина, писанные масляными красками. Бесхитростные, идущие от русского лубка, эти картины похожи на детские забавные рисунки. Но в них есть что-то такое, чего не хватает порой в профессиональных полотнах.

Опять говорим о дереве.

- Понимать надо красоту дерева. Оно, как и человек, свою душу имеет. Я больше люблю с кедром работать. Податливый он ножу, мягкий и рисунок красивый дает. А бывает, что какой-то орнамент дает только береза. Тут уж свой подход.

В старину, например, специальные пряничные доски с богатыми и затейливыми рисунками вытачивались только из березы. Были они разных рисунков, форм и размеров. Иногда от нескольких сантиметров до метра и более.

... Это повествование может быть долгим, ибо предмет, которого коснулась рука мастера, становится уже не просто деревянной поделкой, а художественным произведением. Помните, вы останавливались, пораженные красотой резных киотов, иконостасов. А расписные рукомойники, ковши, шкатулки, а расшитые поневы, сарафаны, передники. О каждой такой вещи можно рассказывать и рассказывать...

Но пора прощаться. Павел Алексеевич уже устал. Прошу его разрешения фотографироваться. Он обеими руками разгладил волосы, распустил бороду, улыбнулся. Все. Вот снимок.

Потом я поехал по Ангаре, по деревням. Смотреть резные наличники, картины, пить студеной ангарскую воду из расписных ковшей, слушать рассказы старых умельцев, которые ничего не знают ни про славу, ни про забвение. Но зато они хорошо знают: в домах, которые ими рублены, будут жить внуки. А люди, проходя мимо, остановятся, чтобы посмотреть на расписные ворота, на резные ставни.

Я думал о том, что всем этим удивительным и прекрасным, что мы называем народным искусством, занимаются старые люди. Старые люди - и всё. И сами-то мы мало ценим работы народных умельцев, относимся к ним, как к чему-то музейному, будто не могут произведения искусства быть нашими постоянными спутниками и добрыми помощниками...

Вот они, эти избушки, терема-теремки. Их поэтичность понимали и народные сказители, и поэты. Красота этих построек подобна песням народа, его сказкам и преданиям. Она будит в душе человека добрые чувства и любовь к родной земле.

Статья немного сокращена. А Павел Алексеевич Суров жил в то время в поселке Устье (недалеко от Машуковки), как уточнил нам глава Машуковского сельсовета Н.А. Тварадзе.

Наталья МОРОЗОВА (АП)